

Что в памяти моей...

Ольга ХОДЫКИНА

К 55-летию Великой Победы вышел подготовленный Российским Комитетом ветеранов войны сборник очерков «Женщины на защите Отечества. 1941–1945гг.». Вып.3.(М.: Изд-во Гном и Д, 2000). Председатель Комитета генерал армии, Герой Советского Союза В.П. Говоров писал во вступлении: «Интерес к этим очеркам велик потому, что в них показана неприкрытая правда о войне глазами женщин, непосредственных участниц боёв, впервые написавших о своих переживаниях на войне. ...Надрывается сердце, когда читаешь такое...». В преддверии 60-летия Сталинградской битвы мы выбрали из этого сборника и предлагаем вашему вниманию воспоминания участницы событий Ольги Ходыкиной, попавшей на фронт в 1942 году прямо со скамьи Ворошиловского (Ставропольского) учительского института.

И памятью той, вероятно,
душа моя будет больна,
покамест бедой невозвратной
не станет для мира война.

А. Твардовский

Просыпается мой город...

9 мая... Я стою рано утром у подножия Комсомольской горки с букетиком алых гвоздик. Я всегда жду этого дня. Сегодня торжественный сбор... Вокруг тянет запахом цветущих деревьев, свежей травы, нагретого камня священных могил. Скорбная и торжественная мелодия исходит из глубины мрамора... Я вспоминаю...

Война застала меня дома, в Ставрополе (тогда Ворошиловске). Я была студенткой Ворошиловского учительского института иностранных языков. В 1942 году в один из весенних дней я получила приглашение в Управление Комитета Госбезопасности, а вскоре мне объявили об отправке на фронт. 17 июня 1942 года был сбор на улице Советской, у Горсовета. Там собралось много девушек отовсюду: из Москвы и Ленинграда, из Новороссийска и Ставропольского края... В основном все — со знанием языка. На железнодорожном вокзале нас посадили в теплушки, и мы начали «странствия» по фронтовым дорогам Советского Союза. Командовал нами очень строгий, знающий, но по-отечески добрый капитан Невейкин. Так началась моя фронтовая жизнь переводчицы в войсках спецсвязи.

А дорога шла в Сталинград, мимо золотых хлебных полей, прямо к великой реке Волге. Спали мы на голых деревянных нарах. Рядом стояла часть ПВО, там тоже было очень много девушек. Боёв в городе ещё не было. Мы обустроивались, учились военному делу, а вечером помогали ставить стратостаты. Нас определили в 62-ю стрелковую армию, которой командовал Василий Иванович Чуйков, в отдел СМЕРШ к полковнику Лось.

Менялись места дислокации, шло большое перемещение войск, начались обстрелы, занимали и укрепляли позиции. А Гитлер, не жалея ни техники, ни живой силы, рвался взять город! Это были страшные четыре месяца! Всё горело, нечем было дышать, не видно было солнца. Бомбёжки были такие мощные, что земля сжимала тебя в окопе и двигалась вокруг тебя. Было ужасно видеть, когда рядом стоящий человек, только что с тобой говоривший, вдруг, обливаясь кровью, погибал. До сих пор слышу: «Воздух! Мессера!» На нас пикируют мессершмитты.

Задания выполнять приходилось самые разные, к примеру, я ездила за хлебом для части. Как раз в это время произошёл воздушный бой, обстреляли колонну. Пули пахали землю. Невозможно описать, какое унижение чувствуешь, когда распростёрт, прилип к земле, беспомощен перед смертью, когда молишься: «Господи! Помоги! Хоть бы не попало!» Как

ужасно всё вокруг — исковеркано, опалено, неподвижно, мертво. И я плакала здесь впервые в жизни: ведь мне было только восемнадцать лет. Плакала от ужаса и от радости, что не погибла. Но страх прошёл, научилась не плакать, ведь надо выжить — позади Сталинград.

Сталинград выстоял! Это была большая победа! И моя победа над своим страхом. После Сталинградской битвы нашей армии было присвоено звание 3-й гвардейской, а нам вручены гвардейские знаки, которыми мы очень гордились.

Затем нас перебросили в район среднего течения Дона, в Миллерово, хутор Большой... Потом был госпиталь... Эпидемия туляремии... Тяжело перенесла это заболевание, чуть не умерла... Затем Лисичанск в Северном Донцке, Донбасс, Украинский фронт... Была на Западной Украине, в Ровно, в Дубне. Затем выезд со спецпоручением на Воронежский фронт в Липецк. Вот здесь я близко видела и гладила зачехлённую «Катюшу», богиню артиллерии. Затем Кишинёвское направление, спецзадания на Карело-Финском фронте — Лоухи, Кестеньга, Беломорск. Тогда мне было присвоено звание сержанта.

После юга, после знойной Молдавии Карелия показалась нам на первый взгляд мрачной, тёмной — с обгорелыми лесами, на десятки километров обнажившей болотные кочки. Но потом — и до сих пор — «Карелия снится»: с её дивными красотами, озёрами, правда, не с голубой, а тёмно-коричневой водой, грибами и необыкновенными яркими цветами.

Говорят, что «у войны не женское лицо». Вовсе не женское! Оскаленное, страшное, лицо смерти, но и женское вместе тем... Ведь Родина — мать, она заплатила за Победу миллионами жизней своих сыновей и дочерей. Среди этих потерь и мои девчата, молодые, красивые, в большинстве образованные, которые пали смертью храбрых. Многих потеряла я на дорогах войны. Сотни, тысячи женщин, как и я, надели сапоги и гимнастёрки. Вместо юности у нас была война. Жили и любили мы в трагических обстоятельствах. Сейчас мне даже не верится, что такое пришлось вынести. Вспоминается, как-то в Карелии на больших широких лыжах мы, связистки, помогали переносить вручную снаряды. Трясина. Куда ни ступишь — кочки расходятся, кричишь, стоишь на плывущей, уходящей из-под тебя кочке, хватаешься за ветки... Одежда уже месяц не высыхала до конца, постоянно на плечах чувствовалась сырость.

А в Никополе... Был тяжёлый танковый бой. Помогали перевязывать, переносить раненых. Помню: «Сестричка, помоги!» Вылез из танка танкист, а за ним все кишки волочатся. Ничем уже не поможешь. На всю жизнь запомнила это молодое лицо и всю ту безысходность, когда ничем нельзя помочь.

Как-то после большого перехода стояла я на часах, в карауле. Ночь... Была такая тишина, что, казалось, можно услышать звук падающего листа: все спали как убитые, вдруг какие-то звуки, шорохи, тяжёлое дыхание... страшно... «Стой! Кто идёт?» Никто не откликается, но и никто из наших меня не слышит. Автомат дрожит в руках... Взяла себя в руки... Готова твёрдо нажать на курок... Прислушалась — да это же лошадь сопит, шуршит, переминается с ноги на ногу! Как я потом над собой смеялась!

«В грязи, во мраке, в голоде, в печали, где смерть, как тень, тянулась по пятам, такими мы счастливыми бывали, такой свободой бурно дышали, что внуки позавидовали б нам», — действительно, так и было, как писала Ольга Берггольц. Кровь, смерть и ад со всех сторон... Но молодость есть молодость. И в минуты отдыха между боями, обстриженные под мальчишков, в сапогах от сорокового размера и больше, в брюках и в великоватых порой гимнастёрках, в шинельках (другой одежды не было), бежали мы стайками на звук гармонии. Танцевали, влюблялись... А женихи не возвращались после боёв...

Круг подруг сужался. В живых с тех далёких дней сорок второго года осталась только Маша Денисова. Мы с ней свято дорожили своей фронтовой дружбой, часто встречались, знали друг о друге всё и вся, когда она жила после войны в Ставрополе. А сейчас моя верная боевая подруга в Подмосковье, в Голицино.

Закончились карельские бои. Армия передислоцировалась на Яское направление, а далее — граница, чужая земля, Венгрия. Голубое-голубое, как небо, озеро Балатон, Балатонмай, Дунайфельвар. На Секешвехервар четыре раза за ночь отступали и наступали! Здесь мне

было присвоено очередное звание — младшего лейтенанта. Далее Австрия, сказочное по своей природной красоте государство... Ряд населённых пунктов — и конец войны в городе Брук, недалеко от Вены.

Возвращались через Венгрию в Румынию, в город Плоешти. Затем я получила назначение в Юго-Западную группу войск в город Бухарест в отдел «В». В 1947 году была в правительственной командировке в Сочи. Итак, я прослужила в войсках с 17 июня 1942 года по 6 июня 1955 года. А затем я была вольнонаёмной в в/ч 1258 в Ставрополе.

Надеваю на День Победы свои скромные боевые и трудовые награды. Сердце переполняется гордостью и любовью: за ними столько воспоминаний, столько живых страниц моей судьбы.

Я — одна из миллионов. Люблю Отечество, болею за его судьбу. По-своему служу ему и сейчас. С 1979 года являюсь членом Комитета содействия Ленинского военного комиссариата Ставрополя. Приятно сознавать, что ты чем-то помогаешь вдовам погибших в Великую Отечественную войну. Я также уполномоченная Совета ветеранов ВОВ в микрорайоне 12/28 Промышленного района.

Посещаю школы и детсады, рассказываю о страшной войне — величайшем бедствии человечества, о том, как все стремления, мечты обрывались на кусочке свинца, лезвии ножа, в болотной топи. И этого забыть нельзя. Но главное: всё это было во имя того, чтобы над нашей страной было голубое, безоблачное небо, тихие рассветы, чтобы мы никогда больше не знали войны. Во мне так и живёт страстный протест против войны, мне никогда не забыть, как улицы Сталинграда по нескольку раз в день переходили из рук в руки. Я горжусь, что не сбылась попытка Гитлера взять штурмом Сталинград. И что слова «выстоять и победить» вошли в сознание всех защитников моей земли.